

**МЕХАНИЗМЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В РАМКАХ ИНВЕРСИВНОЙ ВЕКТОРНОЙ МОДЕЛИ**

МАКСИМОВ Алексей Сергеевич, соискатель кафедры государственного управления и национальной безопасности, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС при Президенте РФ, адрес: 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, e-mail: maximov-as@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке актуальных механизмов нейтрализации гибридных угроз на основе авторской инверсивной векторной модели. Цель исследования – продемонстрировать возможности векторного подхода в разработке актуальных механизмов обеспечения национальной безопасности России в духовной и социокультурной сфере в условиях ведущейся против нее гибридной войны. В статье предложены авторская инверсивная векторная модель и основанные на ней механизмы нейтрализации гибридных угроз национальной безопасности России. Предложенная модель учитывает специфику гибридного противоборства между коллективным Западом и Россией, возможности векторного подхода к разработке проблем гибридной войны, ограниченность ресурсной базы для полномасштабного противодействия гибридным угрозам на всех известных специалистам направлениях. В результате на основе анализа применимости векторного подхода к проблематике гибридной войны представлена инверсивная векторная модель и определены возможности ее применения к выработке эффективных механизмов противодействия гибридным угрозам, ее верификация, ряд практических рекомендаций, касающихся функционального наполнения предложенного механизма для нейтрализации угроз в духовной и социокультурной сферах.

Ключевые слова: Россия, запад, США, национальная безопасность России, гибридная война, «триады» гибридных угроз, векторный подход, механизмы, инверсивная векторная модель.

MECHANISMS FOR NEUTRALIZING HYBRID THREATS TO RUSSIAN NATIONAL SECURITY WITHIN THE FRAMEWORK OF AN INVERSE VECTOR MODEL

MAKSIMOV A. S., Applicant, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Russian Federation, Moscow), e-mail: maximov-as@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the development of relevant mechanisms for neutralizing hybrid threats based on the author's inverse vector model. The purpose of the study is to demonstrate the possibilities of the vector approach in the development of relevant mechanisms for ensuring Russia's national security in the spiritual and socio-cultural spheres in the context of a hybrid war being waged against it. In preparing the article, the approaches and methods of political science were used. The article proposes the author's inverse vector model and the mechanisms based on it for neutralizing hybrid threats to Russia's national security. The proposed model takes into account the specifics of the hybrid confrontation between the collective West and Russia, the possibilities of a vector approach to the development of hybrid war problems, the limited resource base for full-scale countering hybrid threats in all areas known to specialists. The novelty of the research, the results of which are presented in this article, are the analysis of the applicability of the vector approach to the problem of hybrid war, the development of an inverse vector model and the determination of the possibility of its application to the development of effective mechanisms for countering hybrid threats, its verification, a number of practical recommendations regarding the functional content of the proposed mechanism for neutralization of threats in the spiritual and sociocultural sphere. The findings of the study can contribute to the development of an integrated strategic approach to ensuring Russia's national security in the context of a hybrid confrontation with the West.

Keywords: Russia, west, USA, national security of Russia, hybrid war, «triads» of hybrid threats, vector approach, mechanisms, inverse vector model.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время становится актуальной и обсуждаемой тема разработки новых механизмов обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России в условиях гибридной войны. Цель исследования – продемонстрировать возможности векторного подхода в разработке актуальных механизмов обеспечения национальной безопасности в духовной и социокультурной сфере в условиях ведущейся гибридной войны.

Для достижения цели были решены следующие задачи: выявлена специфика гибридной войны США против России; определены возможности применения векторного подхода к анализу гибридного противоборства; выработаны актуальные механизмы обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в рамках векторного подхода. При разработке темы были использованы векторный подход, системный метод и имитационное моделирование. Результаты анализа были верифицированы посредством метода экспертных оценок.

Проблематика гибридной войны находится в центре внимания отечественных специалистов уже не один десяток лет. Несмотря на то что гибридные войны все не отменяют фундаментальные причины, природу, цели традиционных войн [3, С. 12], новые концепции и способы ведения гибридного противоборства развиваются крайне быстро, что требует пересмотра классических военных методов прогнозирования и планирования как наступательных, так и оборонительных стратегий [1, С.7]. России требуется усовершенствование существующих внешнеполитических концепций и доктрин в соответствии с требованиями времени, гибкого использования ресурсов реальных и потенциальных союзников, выработки новых методов воздействия на противостоящие России альянсы [5, С.19]. Гибридную войну можно рассматривать в качестве вызова в рамках концепта «вызов – ответ» британского историка Арнольда Тойнби, характеризующего развитие цивилизаций как межцивилизационный диалог, включающий конкуренцию. Историческая ситуация обозначает перед конкретным обществом проблему («вызов») и дальнейшее развитие этого общества определяется выбором варианта решения проблемы («ответом») [14]. Другими словами, превращение гибридной войны в наиболее широко применяемый тип противоборства определяет первостепенное значение выработки актуальных и эффективных механизмов и стратегий противостояния гибридным угрозам национальной безопасности России.

Специфика гибридной войны Запада против России

Анализ использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве, результаты которого приведены в другой статье автора [6], показал, что ключевая специфика гибридной войны США против России – это усиление позиций страны-агрессора и ослабление страны-мишени за счет страны-жертвы. Такой тип гибридного противоборства получил в литературе название

«опосредованная война» (proxy war). Как правило, суть опосредованной войны заключается в воздействии государства-агрессора посредством государственных сателлитов на государство-мишень на территории третьего – государства-жертвы за счет государства-мишени и с целью истощения ресурсов государства-мишени. Используемые стратегии получили в литературе название «стратегия сокрушения» и «стратегия измора». В частности, они были охарактеризованы военным теоретиком А. Свечиным [11, С.11]. Специфическая черта такого типа противоборства – удерживание уровня насилия в государстве-жертве ниже явной необходимости вмешательства международного сообщества (международных организаций, таких как ООН, ОБСЕ, ОДКБ, коалиций государств, отдельных государств). Такой тип войн характерен для постсоветского пространства и других регионов, где присутствуют геополитические интересы России. Очевидно, что это обстоятельство требует разработки новых мер и организационных структур для защиты государства и эффективной реакции на гибридные угрозы.

Примечательно, что США намеренно отдает России пальму первенства в применении концепции гибридной войны. Об этом неоднократно заявляли представители западных политических ведомств и СМИ¹. Такая позиция США понятна: теория гибридной войны разрабатывается ими уже давно и внедряется в практику подрывных действий по всему миру. Поэтому обвинения в использовании гибридного воздействия на США в адрес России играют роль ширмы в усилении противостояния в СМИ и политическом давлении на Россию для создания негативного имиджа Москвы и ее внешней политики на мировой арене. Этот вид активности также можно отнести к технологиям «мягкой силы» в ходе ведения гибридной войны. Так, автор концепции «мягкой силы» Джозеф Най указывал на размывание границ военного фронта и гражданского тыла [13]. Динамичный и трудно прогнозируемый характер гибридных угроз служит ускорителем процессов адаптации разведывательных служб к реалиям пока еще мало изученных гибридных войн, гибридных угроз и «цветных революций». Как указывалось выше, технологии ведения таких войн всё больше становятся стратегическим оружием неядерного сдерживания, активно применяемым США и НАТО против России.

С внедрением в политический и научный оборот понятий «гибридная война» и «гибридная угроза» в методах ведения гибридного противоборства поменялись формы получения и передачи информации. Государством-агрессором и его союзниками создаются новые подразделения обобщенных разведывательных центров

¹ Putin Is Winning Russia's Hybrid War against America 09.12.2020 // National Review [Сайт]. URL: <https://www.nationalreview.com/2020/12/putin-is-winning-russias-hybrid-war-against-america/> (дата обращения: 07.06.2021); «Русская гибридная война» 15.10.2020 // Путин сегодня [Сайт]. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/110194> (дата обращения: 07.06.2021); «Как Россия побеждает в гибридной войне против США» 14.12.2020 // Око планеты [Сайт]. URL: <https://oko-planet.su/politik/politikmir/632146-kak-rossiya-pobezhdaet-v-gibridnoy-voyne-protiv-ssha.html> (дата обращения: 07.06.2021) и др.

и управления по ведению и планированию гибридных войн, таких как Emerging Security Challenges Division (ESCD) и Joint Intelligence and Security Division (JISD). К специфике гибридного противоборства можно отнести концепцию создания коммерческих структур, работающих как в военном секторе, так и в области разведывательной деятельности (в том числе шпионажа), по заказу Государственного департамента США и разведывательного центра союзников Североатлантического альянса. Здесь важно отметить, что и специфика разведывательной деятельности в рамках гибридного противоборства также меняется. Во все времена разведка сводилась к объективному познанию мира, которое можно получить посредством добывания сведений в той или иной области и их анализа. Однако важно не просто владеть информацией, а еще влиять на процессы, происходящие в регионах, где сосредоточены национальные интересы. Сегодня разведка является не просто силами и средствами добывания информации, но и методом ведения скрытых боевых действий. Так, США давно применяют методы нетрадиционной резидентуры, опираясь на разного рода сетевые негосударственные организации, разного типа НКО, этнические диаспоры, а также коммерческие и финансовые структуры, близкие к правящей элите России. В таких условиях при осознании российским руководством ведения против России гибридной войны контрразведывательные мероприятия упираются в бизнес-структуры прикрытия активных мероприятий противника, что позволяет камуфлировать легальными инструментами использование «мягкой силы» на российской территории и активизировать агентов влияния (в том числе бизнес-структуры), играющих роль катализаторов-ускорителей развала государства.

Указанный подход к реализации гибридного противоборства со стороны США и их союзников приводит к конфликтам внутри силовых ведомств, так как внутрикорпоративные стычки представителей силовых структур происходят из-за вхождения их в разные группы политического влияния, за которыми стоят финансовые корпорации с транснациональными связями и задачами. Так создаются предпосылки к коррупционной активности. Важно и то, что каждая из групп влияния, втянутая в борьбу за ресурсы, является элементом определенного сценария ослабления власти.

Таким образом, деятельность российской разведки в условиях гибридной войны должна отличаться от разведывательной деятельности в условиях межгосударственных конфликтов обычного типа (основная часть объектов, интересующих разведку, находится на контролируемой противником территории).

В гибридной войне против России операции противника разворачиваются на российской национальной территории, но без вторжения регулярных сил и ее оккупации. Соответственно, разведка активности иррегулярных формирований требует деятельности по сбору сведений на своей собственной территории. Объектами разведки при этом выступают сетевые структуры с высокой степенью само-

стоятельности, способностью к самосинхронизации на российской территории. К таковым относятся радикальные бандформирования (в основном Северного Кавказа), а также силы и средства информационной войны. При этом важно иметь в виду, что на национальной территории главного противника России – США практически отсутствуют объекты, на которых Вашингтон сосредоточивает документы с обобщенными сведениями о планах ведения войны на территории государства-жертвы, представляющими интерес для разведок России.

Современная война это не фронты противоборствующих армий, а массы мигрантов, отвоёвывающих районы в европейских городах. Главной ударной силой в современной войне являются не формирования специального назначения, а нелегальные мигранты и «беженцы», способные «раскачать» инертную толпу. Сотрудники подразделения специального назначения будущего – это те, кто способен использовать огнестрельное и холодное оружие в густонаселенных районах города, делать самодельные взрывные устройства из подручных материалов, проникать в социальные сети и проводить там операции устрашения.

К специфике методов ведения гибридной войны можно отнести запланированное поддержание нездоровой конкуренции в органах национальной безопасности государства-мишени и государства-жертвы через агентуру влияния. Это может привести к тому, что значимые, иногда противоречивые сведения могут не получить должного внимания. В результате реакция органов стратегического руководства государства-мишени и/или государства-жертвы может оказаться неадекватной, замедленной или отсутствовать вообще.

Так, использование устаревших знаний в процессе оценки развития угрозообразующих факторов могут не только повлиять на скорость и корректность принятия решения, но и нанести урон национальным интересам и безопасности в целом.

Таким образом, в гибридной войне против России Запад использует старые, проверенные временем стратегии измора и сокрушения [2, С.110], реализуемые с помощью новых гибридных средств. Анализ, результаты которого приводятся в исследовании, показал, что эффективно противостоять указанным стратегиям можно используя механизмы и стратегии, основанные на векторном подходе.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ВЕКТОРНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ГИБРИДНОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Первым использовал векторный подход в научном дискурсе, посвященном проблемам национальной безопасности, А. Ю. Маруев. Рассуждая о природе геополитических интересов, он указал, что векторный подход используется для моделирования состояния геополитических интересов России. А. Ю. Маруев также указал на то, что угрозы геополитическим интересам имеют векторный характер и векторный подход позволяет выстроить защиту российских интересов [8, 9]. В рамках геополитического дискурса элементы векторного подхода можно увидеть в разработках

российских геополитиков А. Г. Дугина [4, С.902] и М. А. Мунтяна [10, С.361].

Элементы векторного подхода используются при концептуализации российской внешней политики, что находит отражение в прошлых и действующих редакциях Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности. В этих документах стратегического планирования одной из основных характеристик внешней политики России является ее многовекторный характер. То есть речь идет о некоем количестве направлений (векторов) внешнеполитической деятельности России. Это касается и географических направлений (различные страны в различных частях света), и направлений (векторов) внешнеполитической активности по сферам взаимодействия (экономика, культура, военная безопасность и проч.). Причем набор (количество направлений) и качество (сила) этих векторов может трансформироваться, что хорошо видно из меняющейся от редакции к редакции Концепции внешней политики региональных приоритетов. Таким образом, государство обладает возможностью (и ресурсами) оперативно менять векторы (и направленность, и силу) внешнеполитической активности, завязанной на такие относительно динамичные явления, как национальные интересы и геополитические интересы. Следовательно, в рамках представленного исследования было допустимо представить векторы в соответствии с выделенными в другой статье автора сферами, в которых концентрируются пять «триад гибридных угроз» [7]. Перечень гибридных угроз, составляющих «триады», выглядит следующим образом:

1. Угрозы в духовной и социокультурной сфере:

- действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада;
- повышение уровня криминализации российского общества, экстремизм;
- отсутствие национальной идеологии и слабая государственная политика идентичности.

2. Угрозы в военно-политической сфере:

- повышение роли негосударственных игроков;
- сеть американских военно-разведывательных центров в российском приграничье;
- формирование сети биологических лабораторий двойного назначения с признаками экстерриториальности по периметру российских границ.

3. Угрозы в экономической сфере:

- экономический контроль российских элит, части общества и государственных структур со стороны Запада;
- санкционная политика Запада в отношении России;
- низкий уровень социально-экономической удовлетворенности российского общества.

4. Угрозы в информационной сфере:

- распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ;
- отсутствие четкого определения статуса «критической инфраструктуры»,

«критически важных объектов» и «потенциально опасных объектов»;

- развитие искусственного интеллекта.

5. Угрозы в международно-политической сфере:

- эрозия международного права;

- появление новых сфер международно-правового регулирования;

- нарушение норм международного права и целенаправленная подмена его всё более укрепляющимся «правом сильного» [7].

Часть угроз, попавших в перечень по результатам анализа и верификации этих результатов методом экспертных оценок, присутствуют в новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в частности, в разделах «Оборона страны» (п. 34, 35), «Государственная и общественная безопасность» (п. 42, 44, 45), «Информационная безопасность» (п. 49–53, 55), «Экономическая безопасность» (п. 59), «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (п. 84–88), «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество» (п. 98) и др.¹

Таким образом, речь идет о пяти направлениях (векторах) обеспечения национальной безопасности и национальных интересов РФ: духовном и социокультурном, военно-политическом, экономическом, информационном, международно-политическом.

Анализ показал: угрозы безопасности, в том числе гибридные, располагают свойствами векторов (согласно теории векторов). Величина гибридной угрозы (сила) характеризуется степенью ее продвижения к конечной цели и интенсивностью воздействия – реализации угрозы, т.е. причинения определенного ущерба безопасности. Наличие у угроз и векторов схожих свойств позволяет считать начальной точкой угрозы момент ее продуцирования или возникновения (включающий замысел, стратегию реализации, мобилизацию ресурса и начало активных мероприятий), а конечной точкой – реализацию угрозы в виде состоявшегося причинения ущерба адресату этой угрозы. Угроза действует в векторном пространстве, являющемся двумерным, которое, соответственно, может быть представлено в виде геополитического пространства, в котором осуществляется так называемое горизонтальное геополитическое соперничество (на суше, море и в воздухе). Это также означает, что векторы воздействия (угрозы) реализуются во времени – на определенном отрезке времени, что имеет чрезвычайно важное значение в условиях гибридной войны, оказывающейся по природе многосоставным и комплексным явлением. Это, в свою очередь, предполагает, что ряд векторов могут действовать в определенном порядке или синхронно.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт президента России [Официальный сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 12.09.2021).

Общие свойства векторов и гибридных угроз позволяют использовать их в моделировании сложных процессов в сфере противодействия гибридным угрозам в целях обеспечения национальной безопасности. Ведь если угроза, в том числе гибридная, может быть охарактеризована как вектор, соответственно, усилия, направленные на отражение и/или нейтрализацию этой угрозы, также могут быть представлены в виде вектора. Здесь начальной точкой вектора будет считаться момент распознавания угрозы, мобилизация ресурса, выстраивание стратегии отражения и/или нейтрализации угрозы и начало активных мероприятий. Конечной точкой вектора – состоявшийся факт ликвидации угрозы либо зафиксированный факт недостижения цели, характеризующийся сохранением угрозы в том или ином состоянии.

Далее в рамках двумерного пространства с векторами может осуществляться ряд операций (сравнение, сложение, умножение). Таким образом, если представить угрозу в виде вектора, то соединение или синхронная реализация/возникновение нескольких угроз (сложение) может привести к масштабированию угроз и синергетическому эффекту, когда синхронное воздействие угроз может привести к краху системы обеспечения национальной безопасности. Величина, потенциал или сила угрозы может изменяться в зависимости от изменения его функциональных составляющих под воздействием определенных событий (например, сокращение или увеличение ресурсной базы актора, продуцирующего угрозы). Расчет изменений состояния угрозы может происходить с помощью умножения величины текущего состояния угрозы на выведенный коэффициент (умножение). Соответственно, сопоставление угроз может привести к выявлению наиболее «угрозоемких» активностей (сравнение), например с целью выбора приоритетных угроз, т.е. тех, которые могут принести наибольший ущерб национальной безопасности и в текущий момент, и в определенной перспективе (угрозы с пролонгированными негативными эффектами), что часто характерно именно для гибридных угроз.

Эти же операции могут быть осуществлены с векторами, которые представляют усилия, направленные на противодействие гибридным угрозам в целях обеспечения национальной безопасности. Соединение, координация усилий, переброска ресурсов или синхронная активность по нейтрализации угрозы (сложение) могут привести к успешной ликвидации угрозы, признанной приоритетной, т.е. наиболее «угрозоемкому» виду активности противника. Величина и потенциал усилий по противодействию изменяются в зависимости от тех же факторов, что функциональны и в случае угроз (сокращение или увеличение ресурсной базы обеспечения национальной безопасности, уровень компетентности кадров, скорость принятия эффективных решений и проч.). Расчет изменения состояния активности по противодействию угрозам может также происходить с помощью умножения величины текущего состояния активности на выведенный коэффициент

(умножение). Соответственно, сопоставление (сравнение) активностей по противодействию угрозам в данном случае видится излишним, так как логичнее и целесообразнее отталкиваться от необходимости противодействовать угрозам, признанным приоритетными, т.е. наиболее «угрозоемкой» активности противника, способной принести наибольший ущерб национальной безопасности и в текущий момент, и в определенной перспективе.

Как отмечает А. Ю. Маруев, с векторами может происходить инверсия, когда вектор некой силы изменяет свое направление на противоположное [8]. В случае гибридных угроз и активности по противодействию им процесс инверсии может быть представлен в виде имитационной модели, демонстрирующей характер взаимодействия угроз в «триадах гибридных угроз» (в ключевых словах в этом сочетании в кавычках только слово «триада», а тут всё выражение. Это верно?). Угрозы в «триадах гибридных угроз» оказывают друг на друга мультиплицирующее и поддерживающее действие [7], которое также может быть представлено векторами. В случае успешной реализации активности, направленной на ослабление одной из трех угроз в «триаде», этот элемент, будучи связанным с двумя другими элементами «триады», будет оказывать на них не поддерживающее, как ранее, действие, а, наоборот, ослабляющее, с перспективой ослабления или ликвидации всей «триады». Соответственно, описанный процесс инверсии в рамках одной «триады гибридных угроз», может быть реализован и на уровне самих пяти «триад» («триады гибридных угроз» были выявлены в пяти сферах: духовной и социокультурной, военно-политической, экономической, информационной, международно-политической [7]). Далее синхронное воздействие пяти «триад», оказывающих друг на друга поддерживающее и мультиплицирующее действие, на систему национальной безопасности также может быть представлено в виде векторов. Соответственно, нейтрализация одной из «триад» будет оказывать на другие четыре «триады» не поддерживающее, как ранее, действие, а ослабляющее. Таким образом, процесс инверсии в представленной модели нацелен на обеспечение национальной безопасности в условиях гибридной войны, имеет поэтапный характер (время) и его реализация сопряжена с операциями сложения, умножения и сравнения векторов, представленных и гибридными угрозами, и активностью по противодействию им (в пространстве). Таким образом, речь идет о выработке *инверсивной векторной модели нейтрализации гибридных угроз национальной безопасности России в условиях гибридной войны*.

**Актуальные механизмы нейтрализации гибридных угроз
национальной безопасности России в рамках векторного подхода**

Применяемые Российской Федерацией механизмы и меры противодействия гибридным угрозам, будучи профилактическими по характеру, являются попыткой решить проблему на оперативном уровне, в то время как она требует решений

стратегического уровня [6]. Ниже представлены структурированные в рамках настоящего исследования механизмы обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России в условиях гибридной войны в духовной и социокультурной сфере, являющиеся по сути результатом приложения разработанной в ходе исследования *инверсивной векторной модели*. Соответственно, предлагаемые механизмы могут быть реализованы в других четырех сферах обеспечения национальной безопасности РФ – военно-политической, экономической, информационной, международно-политической.

Суть совокупности всех представленных в работе механизмов может быть выражена в одном функциональном *принципе* – в концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления/ликвидации этого элемента «триады». Речь идет о *первом этапе*, когда в соответствии с предложенной инверсивной векторной моделью этого будет достаточно для потенциального ослабления/ликвидации всей «триады гибридных угроз» на *втором этапе*.

В духовной и социокультурной сфере на основе ряда политологических методов были выделены три гибридные угрозы, составляющие наиболее «угрозоемкую» «триаду гибридных угроз» из выявленных пяти «триад»: во-первых, действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада; во-вторых, повышение уровня криминализации российского общества, экстремизм; в-третьих, отсутствие национальной идеологии и слабая государственная политика идентичности. В рамках векторного подхода сравнение указанных угроз (векторов) позволило выявить приоритетную (наиболее опасную) угрозу – *действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада в отношении российской государственности*, посредством которой формируется система ценностей и институтов, чуждых российскому обществу, идеология потребления. Результаты сравнительного анализа были верифицированы методом экспертных оценок, подтвердивших приоритетность указанной угрозы, а также то, что две другие угрозы – повышение уровня криминализации общества, экстремизм и отсутствие национальной идеологии и слабая государственная политика идентичности – хоть и являются серьезнейшими угрозами национальной безопасности РФ, однако во многом выступают производными от угрозы, определенной в качестве приоритетной (соответственно, поддерживаются и стимулируются ею).

Далее в рамках реализации инверсивной векторной модели необходимо провести концентрацию усилий по нейтрализации всех трех угроз в рамках «триады» (сложение) и направить их (новый вектор) на нейтрализацию приоритетной угрозы – действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада в отношении российской государственности. Это позволит сэкономить ресурс и провести эффективную его концентрацию на конкретном направлении, что может рассматриваться в качестве кратного усиления вектора (умножение).

Оформление механизма обеспечения национальной безопасности России на этом направлении (нейтрализация действия политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада) может включать в себя следующие мероприятия и инструменты.

Во-первых, вовлечение общества в качестве активного субъекта в противодействие негативному воздействию «мягкой силы» Запада. Прежде всего необходимо проведение широких общественных дискуссий по вопросам реализации важных мер, направленных на решение проблем политического и социально-экономического характера, сопровождаемых разъяснениями сути деструктивной политики «мягкой силы» в отношении России со стороны коллективного Запада. Целью такой политики должно стать не только «разоблачение» замыслов Запада, но и формирование новой позитивной повестки, содержащей привлекательные идеи и концепты, которые могли бы эффективно конкурировать с теми идеями, образами и поведенческими практиками, которые продвигаются Западом с помощью инструментов «мягкой силы».

Во-вторых, системная работа со средствами массовой информации как средством вовлечения общества в качестве активного субъекта в противодействие негативному воздействию «мягкой силы» Запада, инструментом формирования общественного мнения, способным легитимировать действия публичной власти в России. На этом направлении необходима реализация эффективной политики в области средств массовой информации (блокирование тех тенденций, которые могут использоваться противником в информационной войне, выстраивание конструктивных, наполненных позитивными смыслами и повесткой форматов) с одновременной активизацией работы служб информационной безопасности (сетевые СМИ и социальные сети). При этом необходимо избегать ситуаций, когда, преследуя цель защиты от нежелательного контента, государство полностью перекрывает информационные потоки извне, что создает у общества ощущение закрытости от мира, искусственной, политически обусловленной изоляции (отсюда неизбежно у населения формируется желание эту изоляцию преодолеть путем всевозможных оппозиционных, диссидентских практик). Крайне важное значение здесь имеет избегание неточных формулировок при обозначении гибридных угроз. Так «цветные революции» в общественном и политическом дискурсах необходимо прямо называть внешним вмешательством во внутренние дела государства и формой агрессии/экспансии, т.е. незаконной деятельностью, подрывающей государственность, общественный порядок и безопасность. Первый шаг в этом направлении уже сделан – категория «цветная революция» присутствует в новой редакции Стратегии национальной безопасности¹. Важно, чтобы эти сентенции корректно воспринимали-

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт президента России [Официальный сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0pID1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата

лись и молодым поколением россиян, которое, судя по опыту постсоветских и ряда других стран, становится основным активом «цветных революций».

В-третьих, создание *новой совокупности принципов и норм* в социально-государственной системе – эффективной социальной надстройки в виде эффективной государственной идеологии, направленной на реализацию национальных интересов, объединяющей власть и население страны. Ключевое значение здесь имеет налаживание диалога между властью, народом и социальными институтами, что требует создания и укрепления государственной идеологии, отвечающей всем требованиям поступательного развития российских общества и государства и стратегическим национальным приоритетам, обозначенным в Стратегии национальной безопасности¹. Речь идет о политике идентичности, эффективной реализации которой поможет возврат к традиционной системе школьного образования/воспитания (в новой редакции Стратегии национальной безопасности обозначена задача обучения и воспитания молодежи «на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» в целях народосохранения и развития человеческого потенциала²). Положительными эффектами реализации такого подхода должны стать снижение и ликвидация межэтнической и межконфессиональной напряженности, решение ряда других социальных противоречий и проблем, включая преступность и экстремизм.

В-четвертых, создание эффективной партийной системы, отражающей национальные интересы, функционирующей на основе конкуренции, способной быть действительным *инструментом* выражения чаяний всех слоев общества и *условием* для эффективной коммуникации власти и народа. Здесь необходима целенаправленная работа по созданию и развитию общественно-политических партий и организаций патриотической направленности (в том числе молодежных) [12], направленных не только на канализацию социальной активности, но и на укрепление идейного превосходства над ресурсами оппозиции, являющейся проводником интересов Запада, ослабление ресурсов оппозиции, делигитимизации оппозиции за рубежом.

В-пятых, использование *ресурса* негосударственных акторов внутренней и международной политики. Крайне важно наладить взаимодействие с влиятельными негосударственными игроками в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья, по возможности сделать это взаимодействие и влияние *инструментом* с контролирующим функционалом. Такая тактика позволит подорвать ресурсную базу «мягкой силы» Запада, а в оптимальном варианте направить его против самого же Запада, продвигая альтернативные ценности (консервативные духовные ценности), установки и поведенческие практики, спрос на которые на Западе в

обращения: 12.09.2021).

¹ Там же.

² Там же.

действительности имеет место.

Так выглядит пятикомпонентное оформление механизма, основанного на принципе концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления/ликвидации этого элемента «триады». Ожидаемым результатом является следующее: реализация указанных пяти компонентов механизма (совокупность политических практик, мероприятий, инструментов, объединенных как элементы в определенную структуру посредством качественных связей) позволит ослабить приоритетную угрозу, что повлечет за собой ослабление двух других угроз из состава этой «триады». Инверсивное действие вектора поддержки приоритетной угрозы двух других элементов приведет к снижению уровня криминализации российского общества и экстремизма, а также к появлению и укреплению национальной идеологии, конструктивной по своему характеру, и усилению государственной политики национальной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлен выработанный в ходе исследования актуальный механизм обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны в одной из ключевых сфер обеспечения национальной безопасности – духовной и социокультурной. Предложенный механизм был разработан с учетом специфики гибридной войны коллективного Запада против России благодаря применению векторного подхода. Такие свойства векторов, как сравнение, сложение, умножение и инверсия, позволили предложить инверсивную векторную модель нейтрализации угроз в составе «триады гибридных угроз» в духовной и социокультурной сфере путем использования совокупности политических практик, мероприятий, инструментов, объединенных как элементы в определенную структуру посредством качественных связей – пятикомпонентного механизма нейтрализации приоритетной угрозы в «триаде». Это, в свою очередь, влечет ослабление двух других угроз в «триаде» (первый этап) с перспективой полной ликвидации самой «триады» (второй этап). Функциональность предложенного механизма была верифицирована с помощью метода экспертных оценок. Предполагается, что предложенная инверсивная векторная модель и механизм нейтрализации гибридных угроз покажут эффективность при нейтрализации «триад гибридных угроз» в четырех других сферах – военно-политической, экономической, информационной, международно-политической.

Таким образом, функционал векторного подхода позволил создать в рамках исследования инверсивную векторную модель взаимодействия системы национальной безопасности с выявленными структурами гибридных угроз. Суть совокупности всех представленных механизмов, иллюстрирующих действие инверсивной векторной модели, определяется единым функциональным принципом, а именно концентрацией усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» с целью ослабления или ликвидации этого элемента «триады» в условиях

ограниченных ресурсов. Выводы исследования могут способствовать выработке комплексного стратегического подхода к обеспечению национальной безопасности России в условиях гибридного противоборства с Западом.

Библиография/References:

1. Бартош А.А. Модель гибридной войны // Военная мысль. – 2019. – № 5. – С. 6-23.
2. Война и мир в терминах и определениях / Под ред. Д.О. Рогозина. – М., 2004.
3. Гаджиев К.С. О тотализации войны в гибридном измерении // Власть. – 2019. – № 3. – С. 9-19.
4. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000.
5. Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. – М., 2020.
6. Максимов А.С. Специфика использования методов и технологий гибридной войны на постсоветском пространстве // Этносоциум и межнациональная культура. – 2021. – № 5 (155). – С. 69-78.
7. Максимов А.С. Угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 109–130.
8. Маруев А.Ю. Векторный подход к определению геополитических интересов Российской Федерации // Военная мысль. – 2010. – № 12. – С. 3-13.
9. Маруев А.Ю. Россия и США в условиях противоборства: военно-политический аспект // Военная мысль. – 2009. – № 8. – С. 2–12.
10. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. Курс лекций. Т. 2. – М.: НП «Центр общественных экспертиз», 2009.
11. Свечин А.А. Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927.
12. Шевченко А.В. Патриотизм гражданина Российской Федерации как фундаментальная основа обеспечения национальной безопасности // Патриотическое и военно-патриотическое воспитание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Под общ. ред. В.И. Лутовинова. – М.: Экон-Информ, 2017. – С. 3– 6.
13. Nye J. S., Jr. The future of power // Project-syndicate. FEB 5, 2015. № 3.
14. Toynbee A.J. A study of history. – Oxford, 1935.

1. Bartosh, A.A. (2019) Model' gibridnoi voiny [The model of hybrid warfare] // Voennaia mysl' [Military Thought]. – № 5. – P. 6– 23. (In Russ.)

2. Voina i mir v terminakh i opredeleniiakh [War and peace in terms and definitions] / Pod red. D.O. Rogozina. – M., 2004. (In Russ.)
3. Gadzhiev, K.S. (2019) O totalizatsii voyny v gibridnom izmerenii [On the totalization of the war in the hybrid dimension] // Vlast' [The Power]. – № 3. – P. 9– 19. (In Russ.)
4. Dugin, A.G. (2000) Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii [Fundamentals of Geopolitics. The geopolitical future of Russia]. – M.: ARKTOGELtsentr. (In Russ.)
5. Karpovich, O.G., Manoilo, A.V. (2020) Politika mnogopoliarnosti: novye vyzovy i ugrozy [Multipolarity Policy: New Challenges and Threats]. – M. (In Russ.)
6. Maksimov, A.S. (2021) Spetsifika ispol'zovaniia metodov i tekhnologii gibridnoi voyny na postsovetskom prostranstve // Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura. – № 5 (155). – P. 69-78. (In Russ.)
7. Maksimov, A.S. (2021) Ugrozy natsional'noi bezopasnosti Rossii v usloviakh gibridnoi voyny // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. – T.16. – №3. – P. 109– 130. (In Russ.)
8. Maruev, A.Iu. (2010) Vektornyi podkhod k opredeleniiu geopoliticheskikh interesov Rossiiskoi Federatsii // Voennaia mysl'. – № 12. – P. 3-13. (In Russ.)
9. Maruev, A.Iu. (2009) Rossiia i SShA v usloviakh protivoborstva: voenno-politicheskii aspekt // Voennaia mysl'. – № 8. – P. 2-12. (In Russ.)
10. Muntian, M.A. (2009) Geopolitika: istoriia i sovremennost'. Kurs lektsii. T. 2. – M.: NP «Tsentr obshchestvennykh ekspertiz». (In Russ.)
11. Svechin, A.A. (1927) Strategiiia. – M.: Voennyi vestnik. (In Russ.)
12. Shevchenko, A.V. (2017) Patriotizm grazhdanina Rossiiskoi Federatsii kak fundamental'naia osnova obespecheniia natsional'noi bezopasnosti // Patrioticheskoe i voenno-patrioticheskoe vospitanie kak faktor obespecheniia natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii / Pod obshch. red. V.I. Lutovinova. – M.: Ekon-Inform. – P. 3-6. (In Russ.)